

25 июля 1980 г.

АВТОРИТЕТНОЕ СЛОВО

ИСКУССТВО НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ

Валентин Гафт принадлежит к той категории артистов, которых для интервью нужно «ловить». Попав наконец в примерную театра, я думал, что предмет предстоящего разговора вызовет у него или улыбку, или недоумение... И ошибся.

— Свободное время? Поговорю о нем с удовольствием. Заодно и отдохну. Конец сезона для артиста хуже, чем работа над годовым отчетом для бухгалтера, — такая же суета и напряжение сил. Ведь артист играет «сам на себе», как смычок на инструменте. Устал голос. Глаза. Сердце. Все устало. Хочется полежать в тишине. Ведь и скрипку положено класть в футляр.

— Значит, и приятно, и полезно освободиться от любимой работы?

— А как же? Но удается ли полностью? Голова работает, даже если лежу на диване и отдыхаю. Идет постоянная оценка текущей, например, за окном жизни, картинки мелькают перед глазами, живут в памяти, воображении. А если я «заражен» какой-то ролью, то всегда отбираю из жизни то, что обогатит роль неожиданными красками. Иду недавно по улице и вдруг останавливаюсь... Стою и наблюдаю за чистильщиком обуви, который бесподобно — иного слова не подберу — спорит с клиентом. Какая мимика! Какие интонации! А его руки! Словом, увиденный эпизод отлично сработал на роль, которую сейчас репетирую.

— А бывает, что отдыхать надоедает?

— Если понимать отдых как безделье. Лично мне нравятся цейтноты в работе.

Когда репетиции спектакля, съемка падают на одну неделю или день. В этом состоянии творческого подъема много успеваешь, как-то удачно все складывается.

— Но бывает, и железо не выдерживает долгой нагрузки.

— Всему наступает предел. Поэтому уделяю много времени физической подготовке. Разработал специальную программу упражнений. А летний отпуск всегда насыщаю спортивными мероприятиями. Бегаю, прыгаю, плаваю.

Летом во время отпуска обязательно еду на море. Море лечит. Там привольно и красиво. Там легко дышится. Чисто свободного времени нет. Или есть, когда ты не совсем здоров.

— Хватает ли времени на общественную работу?

— Редактирую стенную газету. Писал и пишу стихи и эпиграммы для наших театральных капустников.

— Как вы относитесь к понятию «широта интересов» в наше горопливое время, когда вундеркиндам бывает велика школьная форма?

— Вундеркиндам желаю здоровья и долголетия. Но не люблю людей с календарной памятью и гастрономическим образованием. В человеке приветствуя прежде всего органичность, обаяние, которое исходит от его индивидуальности. У каждого должны быть «щупальцы», если так можно сказать, на свой интерес. Например, если читаю книгу, то не потому, что все о ней говорят, а потому, что она нужна лично мне, моей душе, мыслям, настроению. Иначе я становлюсь рабом

тенденции, как бы надеваю пиджак, который и мал, и неудобен, но считается модным. А это уже духовная слепота. Но и узость интересов в наше время недопустима. Как-то во время поездки встретился с одним инженером. «Я, — говорит инженер, — в театре ничего не понимаю, да и зачем мне это?» Такие люди поражают меня блеклостью ума.

— Что же посоветовать людям, которые неправильно используют свое свободное время?

— В таком совете нуждаюсь лично я. Мне постоянно кажется, что я неверно планирую свой досуг. Собираюсь изучить язык и каждый вечер даю себе слово начать с завтрашнего утра. Наступает утро, потом снова вечер, а язык так и не учу. А если опаздываешь что-либо сделать вовремя, догнать уже трудно.

Полезно брать пример с людей, которые своим трудом добились почта и славы, учиться у них правильно распределению времени. Хорошо, когда каждый из нас считает себя в душе чуть-чуть Пушкиным, Достоевским или Гагариным. Иногда такой моторчик души делает колоссальные по силе обороты. И мы начинаем жить и работать с размахом. У человека, по горло загруженного работой, свободное время высекается, как искры. И тогда мы получаем колоссальное удовлетворение от того, что они есть. Свободное время должно предусматриваться, а не заставлять врасплох, как противник. Быть в плену у собственного досу-

га — значит скучать и маяться.

— Если бы у вас появилась возможность стать семнадцатилетним, много изменений вы внесли бы в свою жизнь?

— Наверное, нет. В свои семнадцать лет я уже отлично разбирался, что такое хорошо, а что такое плохо, и всегда старался жить, четко разделяя эти понятия. А с другой стороны, кажется, что именно сейчас я начал понимать свою профессию по-настоящему, полно. Уже есть что-то свое, раз и навсегда отболевшее, тысячу раз проверенное. Нужно жить, любить, радоваться, защищаться. Хотя мне уже за сорок, я не устаю радоваться, как в детстве, любой находке. Это же и есть настоящее.

— Помню основную работу в театре, вы много снимаетесь в кино, на телевидении...

— Много снимаюсь, но часто стеньку и отказываюсь от ролей или концертов. Я вообще не понимаю тех, кто готов играть по три спектакля ежедневно. Со сцены нужно говорить правду и делать это искренне. Не верю, что можно быть живым на сцене несколько раз в день. Кино и телевидение расширяют диапазон творчества. Но если жить по принципу «все успеть», то съемочная площадка и студия тебя поглотят, а всего так и не успеешь, только засуетишься вконец. «Служенье муз не терпит суеты» — известная истина. Природа творчества такова, что всегда нужно иметь запас по-кой.

Записал
А. КУЧЕРОВ.